

ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович (1910–1971) родился в Смоленской губернии Российской империи. Удивительно, что в биографии Твардовского первое стихотворение было написано столь рано, что мальчик не мог его даже записать, ведь был не обучен грамоте. Любовь к литературе появилась в детстве: отец Александра любил читать дома вслух произведения известных писателей Александра Пушкина, Николая Гоголя, Михаила Лермонтова, Николая Некрасова, Льва Толстого и Ивана Никитина. Уже в 14 лет им было написано несколько поэм и стихотворений на злободневные темы. Когда в стране проходила коллективизация и раскулачивание, поэт поддержал процесс (утопические идеи высказал в поэмах «Страна Муравия» (1934–1936), «Путь к социализму» (1931)). В 1939 году, когда началась война с Финляндией, А.Т. Твардовский, как член коммунистической партии, участвовал в соединении СССР и Белоруссии. Затем же обосновался в Воронеже, продолжал сочинять, работал в газете «Красная Армия». Самым известным произведением Александра Трифоновича Твардовского стала поэма «Василий Теркин». Автору поэма принесла большой успех, поскольку была очень актуальна в военное время. Дальнейший творческий период в жизни Твардовского был наполнен философскими мыслями, которые прослеживаются в лирике 1960-х годов. Твардовский начал работать в журнале «Новый мир», полностью пересмотрел свои взгляды на политику Сталина. В 1961 году под впечатлением от выступления Александра Твардовского на XXII съезде КПСС, Александр Солженицын передал ему свой рассказ «Щ-854» (позже названный «Один день Ивана Денисовича»). Твардовский, будучи в то время на посту редактора журнала, оценил рассказ чрезвычайно высоко, пригласил автора в Москву и стал добиваться разрешения Хрущева на публикацию данного произведения. В конце 60-х годов в биографии Александра Твардовского произошло значимое событие — началась кампания Главлита против журнала «Новый мир». Когда же автора вынудили покинуть редакцию в 1970 году, вместе с ним ушла и часть коллектива. Журнал был, кратко говоря, разгромлен. Умер Александр Трифонович Твардовский от рака легких 18 декабря 1971 года, и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

В тот день, когда окончилась война

Я убит подо Ржевом

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрывки.
И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.
Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;
Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;
Где травинку к травинке
Речка травы прядет, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.
Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.
Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?
Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.
Неужели до осени
Был за ним уже Дон
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?
Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.
Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.
Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:
Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.
Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.
Это грозное право
Нам навеки дано, —
И за нами оно —
Это горькое право.
Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.
Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.
Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.
И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.
Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.
Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.
И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?
И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!
Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.
Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!
Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, —
О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.
В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.
Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.
Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.
И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,
Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.
Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?
В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?
Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жизнь завещаю, —
Что я больше могу?
Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.
Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.
И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сбержечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Рассказ танкиста

Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти-двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей.

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду вёдрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы незрелые суют...

Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.
А он гвоздит — не выглянуть из башен, —
И чёрт его поймёт, откуда бьёт.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился, — столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведаль...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?.. — А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждёт. — Влезай сюда, дружище! —
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырём.

Подъехали. — Вот здесь. — И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даём.
И эту пушку, заодно с расчётом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шёл большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Всё нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

В тот день, когда окончилась война
 И все стволы палили в счет салюта,
 В тот час на торжестве была одна
 Особая для наших душ минута.
 В конце пути, в далёкой стороне,
 Под гром пальбы прощались мы впервые
 Со всеми, что погибли на войне,
 Как с мёртвыми прощаются живые.
 До той поры в душевной глубине
 Мы не прощались так бесповоротно.
 Мы были с ними как бы наравне,
 И разделял нас только лист учётный.
 Мы с ними шли дорогою войны
 В едином братстве воинском до срока,
 Суровой славой их озарены,
 От их судьбы всегда неподалёку.
 И только здесь, в особый этот миг,
 Исполненный величья и печали,
 Мы отделялись навсегда от них:
 Нас эти залпы с ними разлучали.
 Внушала нам стволов ревущих сталь,
 Что нам уже не числиться в потерях.
 И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
 Заполненный товарищами берег.
 И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
 Как нас уносят этих залпов волны,
 Они рукой махнуть не смеют вслед,
 Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.
 Вот так, судьбой своею смущены,
 Прощались мы на празднике с друзьями.
 И с теми, что в последний день войны
 Ещё в строю стояли вместе с нами;
 И с теми, что её великий путь
 Пройти смогли едва наполовину;
 И с теми, чьи могилы где-нибудь
 Ещё у Волги обтекали глиной;
 И с теми, что под самою Москвой
 В снегах глубоких заняли постели,
 В её предместьях на передовой
 Зимой сорок первого; и с теми,
 Что, умирая, даже не могли
 Рассчитывать на святость их покоя
 Последнего, под холмиком земли,
 Насыпанном нечуждою рукою.
 Со всеми — пусть не равен их удел, —
 Кто перед смертью вышел в генералы,
 А кто в сержанты выйти не успел —

Такой был срок ему отпущен малый.
 Со всеми, отошедшими от нас,
 Причастными одной великой сени
 Знамён, склонённых, как велит приказ, —
 Со всеми, до единого со всеми.
 Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
 И время шло. И с той поры над ними
 Берёзы, вербы, клёны и дубы
 В который раз листву свою сменили.
 Но вновь и вновь появится листва,
 И наши дети вырастут и внуки,
 А гром пальбы в любые торжества
 Напомнит нам о той большой разлуке.
 И не за тем, что уговор храним,
 Что память полагается такая,
 И не за тем, нет, не за тем одним,
 Что ветры войн шумят не утихая.
 И нам уроки мужества даны
 В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
 Нет, даже если б жертвы той войны
 Последними на этом свете были, —
 Смогли б ли мы, оставив их вдали,
 Прожить без них в своем отдельном счастье,
 Глазами их не видеть их земли
 И слухом их не слышать мир отчасти?
 И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
 В конце концов у смертного порога,
 В себе самих не угадать себе
 Их одобренья или их упрёка!
 Что ж, мы трава? Что ж, и они трава?
 Нет. Не избыть нам связи обоюдной.
 Не мёртвых власть, а власть того родства,
 Что даже смерти стало неподсудно.
 К вам, павшие в той битве мировой
 За наше счастье на земле суровой,
 К вам, наравне с живыми, голос свой
 Я обращаю в каждой песне новой.
 Вам не услышать их и не прочесть.
 Строка в строку они лежат немыми.
 Но вы — мои, вы были с нами здесь,
 Вы слышали меня и знали имя.
 В безгласный край, в глухой покой земли,
 Откуда нет пришедших из разведки,
 Вы часть меня с собою унесли
 С листка армейской маленькой газетки.
 Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу,
 Как у живых, — я так же вам обязан.

И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,
Скажу слова, что нету веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Ещё не зная отклика живых, —

Я ваш укор услышу бессловесный.
Суда живых — не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живёт, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.